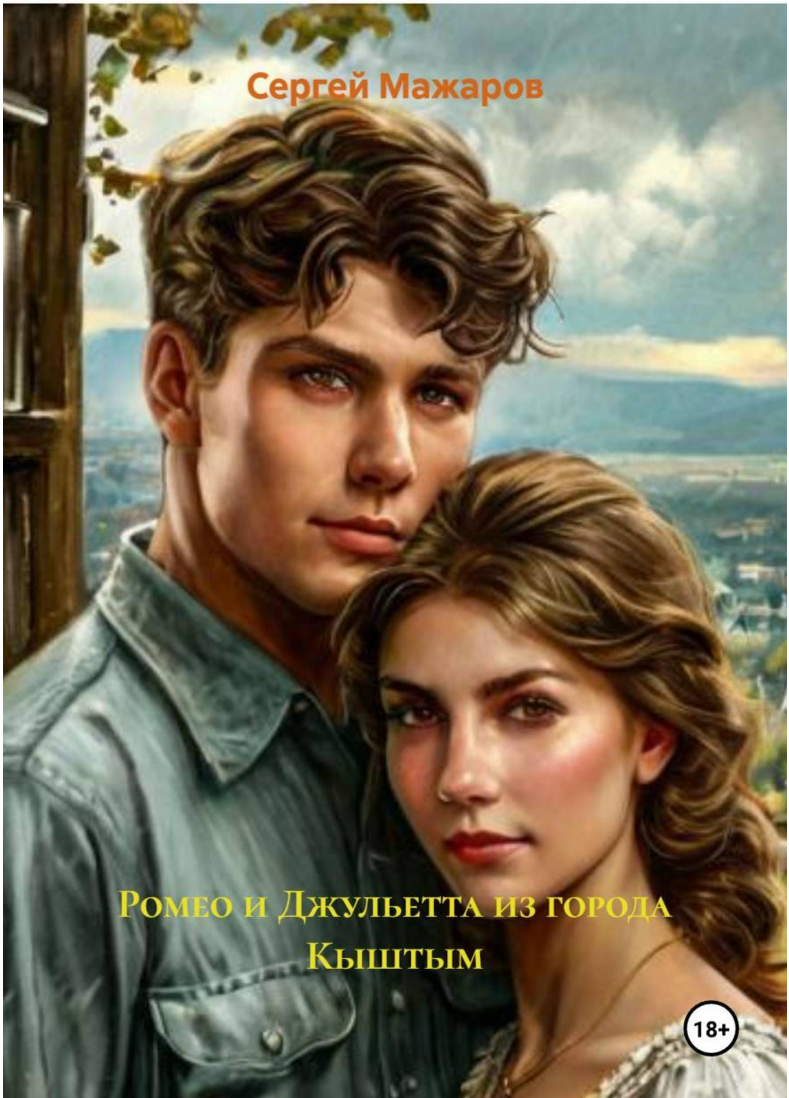
Сергей Мажаров
Ромео и Джульетта из города Кыштым
18+

Сергей Мажаров

Ромео и Джульетта из города Кыштым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73425908
SelfPub; 2026

Аннотация

Окончилась Великая Отечественная война. 1949 год. Володя, служит в Советской Армии и обеспечивает охрану при сопровождении важных и особо секретных грузов.

Любовь к девушке Людмиле складывается не просто. Её родители категорически против их отношений, и это заставляет его совершить ошибку, которая стоит жизни двум влюблённым.

Сергей Мажаров
Ромео и Джульетта
из города Кыштым

Ромео и Джульета из города Кыштым

(Роман. Повесть. Драма. Любовная драма)

Нам утро скорбный мир несёт собою;
Лицо своё от скорби день скрывает.
Идёмте, о беде поговорим!
Одним прощенье будет, – казнь другим.
Печальнее не слыханно на свете
Сказанья о Ромео и Джульетте.
(«Ромео и Джульетта». У. Шекспир.
Перевод: Аполлон Григорьев. 1864 год.
Издание Брокгауз – Ефрона, 1902 год)

ВОЛОДЯ

Здравствуй мама и папа! Здравствуйте братья, Толик, Витя и сестрёнки, Галя и Тамара!

Поздравляю вас с праздником, с днём Первомая и с гряду-

щей четвёртой годовщиной Великой Победы над фашистами.

Пишу в поезде. Мы едем к новому месту службы. Куда едем писать не могу, скажу просто, что служить буду совсем рядом с домом. Каких-то 150 километров. Со мной распределён и мой друг Димка Ковалёв, я вам о нем писал, так что скучать не придётся. Одним словом, всё идёт и всё меняется и это меня очень радует.

При хорошем раскладе смогу приехать домой в отпуск в Свердловск. В целом всё хорошо. Я здоров. Как приеду, напишу. Укажу адрес полевой почты.

Жду конечно от вас известий. Как вы там? Не голодаете? Как отец? Ноги не болят? Мамочка, как ты? Про этих двух сорванцов обязательно напишите. Передайте привет и скажите, что, если не будут слушаться, приеду и уши надеру обоим! Нежно обнимаю сестрёнок, брательников и всех вас.

До свидания. Ваш Володя М.

Володя писал письмо домой на тетрадном листочке простым карандашом.

На маленьком сержантском планшете, писать было очень неудобно, и он переложил лист письма на столик.

Поезд качало, от этого буквы получались некрасивыми и кривыми. Он заметил, что через лист бумаги стало проступать жирное пятно, от еды. Володя вздохнул, сдерживая негодование и снова переложил письмо на сержантскую сум-

ку.

Весь провиант на дорогу был выдан сухими пайками. Солдаты и сержанты, как и положено, позавтракали, а после завтрака оставалось немного времени на то, чтоб подшить подворотнички, почистить сапоги в тамбуре и немного расслабиться. Кто-то просто лежал на полках плацкартного вагона, кто-то что-то бурно обсуждал. Некоторые успевали почистить свои гимнастёрки и ожидали прибытия на новое место службы.

Поезд прибывал на станцию Кыштым в 9 часов 35 минут местного времени. За окном была весна, май, почти лето, и это «почти лето» было солнечным и по летнему тёплым. Благо, что перед отправлением вышел приказ о переходе на летнюю форму одежды и всех переодели в пилотки.

Володя со своим товарищем, младшим сержантом Дмитрием Ковалёвым, в составе взвода караульного сопровождения, по распределению были направлены для прохождения дальнейшей службы в город Кыштым. Два друга проходили службу в специальном фельдъегерском подразделении, которое входило в структуру МГБ. Данная передислокация была очередной ротацией, которая периодически происходит в подобных частях в целях обеспечения безопасности.

НОВОЕ МЕСТО СЛУЖБЫ

Южноуральский город Кыштым, считался городом закрытым. Чужих людей здесь сразу примечали, всё от того,

что рядом строящийся город и завод входил в систему ядерной программы Советского Союза, но даже этого в Кыштыме никто этого не знал.

Режим секретности возлагал на фельдъегерскую службу большое количество обязанностей. Сопровождение секретных документов, материалов и грузов, связанных с этой программой. Служба обещала быть серьёзной и интересной.

Поезд подъезжал к станции, и Володя хотел успеть дописать письмо родителям, чтоб сразу на вокзале отправить домой в Свердловск.

В Свердловске жила вся его семья. Мать Феодосья Андреевна и отец Николай Иванович из южноуральских, оренбургских казаков, поселились в Свердловске, после того как Николай Иванович был уволен с пограничной службы, прямо перед войной в 1940 году.

Отважный офицер пограничник, с болью принимал свою отставку в тот момент, когда он, кадровый военный, мог принести пользу на фронтах Великой Отечественной, но ранения, проблемы со здоровьем и трое детей на момент начала войны, не позволили ему надеяться на призыв и он был назначен на должность заместителя директора уральского авторемонтного завода, а после перевёлся в управление свердловской железной дороги, инженером.

Их сын, Володя не стоял перед выбором, кем стать. Выбор был очевиден, идти по стопам отца и быть военным. Но пока, ему предстояло пройти срочную службу.

И вот майским утром, его служба начиналась на новом месте. Взвод прибыл в город Кыштым.

Поезд медленно вползал на перрон кыштымского вокзала. Из громкоговорителя доносилось объявление о прибытии поезда.

Перрон на вокзале маленького города казался теплым и уютным. Часы показывали 8-35. Поезд пришел точно по расписанию. Согласно инструкции, до прибытия в пункт дислокации, название города солдатам и сержантам не сообщалось. Того требовала обстановка секретности, в которой создавался ядерный щит нашей страны.

На перроне стоял суровый капитан в форме автомобильных войск. С ним два солдата, как и положено в военном патруле. Они встретили командира взвода лейтенанта Соловьева. Солдаты за глаза звали его Соловей. При чём не только за фамилию, но и за молодой и писклявый голос.

Соловьев приказал находиться в вагоне до особого распоряжения.

Капитан уверенным жестом отдал воинское приветствие. Солдатики-патрульные стояли, не шелохнувшись по стойке «смирно».

Соловьев даже на фоне солдат казался совсем молоденьким. Он так же приветствовал капитана, предъявил свои документы и предписания.

Начальник патруля распорядился, вывести личный состав на перрон и построить. Володя с Дмитрием, всё видели в ок-

но и сержанты почти одновременно, хором подали команду «строиться на перроне!». Бойцы взвода с вещмешками выскочили на платформу неуклюже переставляя ноги, ощутив под ногами твёрдую землю после долгой дороги в поезде.

– Первое отделение, становись! – Второе отделение, становись! – прогремели чёткие команды.

Хорошо обученные строевым движениям, бойцы быстро выполнили команду и замерли по стойке «смирно».

Начальник патруля, спросил Соловьёва,

– В городе ориентируетесь?

– Никак нет! Требуется прибыть в комендатуру и получить дальнейшие указания!

– Странно, что вас не встретили. Выйдите на вокзальную площадь, и пойдёте направо по улице Республики прямо, с километр будет, дойдете до круглого магазина, там рынок будет, а за рынком военкомат и комендатура. Понятно?

– Так точно. По улице Республики до круглого магазина, рынок и военкомат.

– Всё верно!

– А разрешите вопрос, товарищ капитан?

– Спрашивайте!

– А почему магазин – круглый?

– Так там всё сами и увидите. Он и вправду – круглый. Построили его таким! Следуйте!

– Есть! – козырнул Соловьев и скомандовал подчинённым, – Взвод, напра-во! Шагом марш!

И взвод зашагал, по перрону, через открытые ворота вышли в город.

– Товарищ лейтенант, – обратился Володя, – разрешите письмо опустить в ящик.

– Бегом Макаров!

Из строя некоторые солдаты стали доставать написанные письма и передавать Володе,

– И моё возьмите, товарищ сержант.

– И моё…

– И моё…

Володя собрал ещё несколько писем, метнулся к почтовому ящику, который висел на здании вокзала, опустил письма и вернулся в строй.

Уже когда взвод вышел за пределы вокзала, Дмитрий осмелился спросить у Соловьева,

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться, а что это за город, как называется?

– Разговорчики в строю! – с суровостью в голосе ответил Соловьёв, а после тихо добавил, – Это Кыштым…

– Кыштым? Смешной название. Кыш – тым, Кыш – дым, Кыш – там, – с иронией проговорил Володя.

– Отставить разговоры! – со всей серьёзностью скомандовал Соловьёв.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! – отрапортовал Володя.

Кыштым выглядел по-весеннему привлекательно и пестрил плакатами и транспарантами, которыми был украшен к

Первомаю и четвёртой годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Пройдя метров сто от вокзала, лейтенант Соловьёв своим писклявым голосом отдал команду,

– Взвод! Песню запе-вай!

Володя и Дима были запевалами во взводе, чётко отчеканив три шага, они в унисон запели,

– Если завтра война,
если враг нападёт
если чёрная сила нагрянет
как один человек
весь советский народ
за любимую Родину встанет

Припев подхватил дружно весь взвод

– На земле в небесах и на море
Наш напев и могуч и широк
Если завтра война
Если завтра в поход
Будь сегодня к походу готов…

Взвод молодых ребят привлёк к себе внимание всего города.

Шли они слаженно. Пели красиво. Выглядели достойно. Не удивительно. Абы-кого охранять тайны государства не призывают.

Как раз, когда закончилась песня «Если завтра война», строй вышел к перекрёстку улиц Республики и Пушкина. Отсюда, на проходящих солдат смотрели две девушки, Люд-

мила и Ольга. Девушки выросли вместе и с детства дружили. Кыштым был их родным городом. А ещё, обе были прекрасны, как весенние цветы.

Они остановились около дороги, глядя в сторону вокзала, откуда доносились строевые песни, а по мере приближения, на их лицах появлялись улыбки. Девушки с изумлением смотрели на строй молодых солдат.

Володя шёл во главе первого отделения, справой стороны. И случайно встретился взглядами с прекрасно девушкой – Людмилой. Что-то заставило его улыбнуться. Она смутилась и улыбнулась в ответ…

Не дожидаясь новой команды, Володя, не отрывая глаз от Людмилы завёл новую песню,

– Расцветали яблони и груши
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша.
На высокий берег на крутой…

Надо сказать, что в этот раз песню подхватили не только в строю. Её пели все, кто шёл параллельным курсом в сторону центра города к рынку и популярному круглому магазину, пели и те, кто стоял у обочины или просто смотрел в окно. Этот приезд фельдъегерского взвода, был похож на появление в маленьком провинциальном городке молодых гусар, которые всколыхнули покой жителей и особенно его прекрасной части населения.

Люся и Ольга шли и пели «Катюшу». Володя выделялся

своим голосом, ярче обычного, чётко вышагивал и не переставал улыбаться двум красавицам, которые старались не отставать от взвода. То и дело взгляды девушек и молодых солдат встречались и непременно подмигивали друг другу.

То и дело, строй обгоняли редкие машины. Жизнь в городе шла своим чередом.

Проехавший мимо «Студебеккер» поднял всю пыль с дороги и ребята стали закрывать носы и закашливаться.

Впрочем, девушки тоже. Володя прикрылся ладонью, тоже закашлял и произнёс так, чтоб девушки его слышали,

– Такую песню испортил болван!

Ольга задорно пояснила,

– Это дядя Сева с Электролитного завода.

– А вы всех знаете в городе? – поинтересовался Дима.

– Конечно! – ответила Ольга.

– Город-то маленький, закрытый. Как не знать. Чужие здесь не ходят. – присоединилась к пояснениям Людмила.

– Ну значит и мы теперь здесь не чужие. – гордо заключил Володя.

– Посмотрим! – улыбнулась Люда и её глаза и Володи встретились в очередной раз.

Соловьёв командирским писклявым голосом прервал беседу замечанием,

– Разговорчики в строю! Песню запевай!

Володя без колебаний начал новую песню,

– На границе тучи ходят хмуро,

Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура,
Часовые Родины стоят…

Так, песня за песней и дошли молодые солдаты строем до центральной площади и знаменитого «круглого магазина».

Перейдя маленький мост через речку, Соловьёв расположил взвод под кроной деревьев и приказал сержантам следить за личным составом, никому не разбредаться, форму одежды не нарушать, перекурить на месте. Место определил на газончике. А сам направился в комендатуру, доложить о прибытии.

Володя привычным голосом скомандовал,

– Взвод вольно! Разойдись! Никому не расходиться! На месте перекурить, перемотать портянки.

Девушки, забыв про свои дела, не очень-то и важные оказались рядом с отдыхающими солдатами, и Володя не мог этого оставить без внимания.

Нет, в чужом городе, никого роднее чем тот человек, с которым уже обмолвился парой фраз.

Дима, одергивая гимнастёрку, вытянулся глядя на стоящих в стороне Ольгу и Людмилу.

– Девушки! А давайте познакомимся, я Дима, а это мой друг Володя!

Из отдыхающих солдат кто-то крикнул,

– А я Вася!

Дима тут же осадил его,

– Отдыхай, Вася! Твой номер шестнадцать! Ну так что?

Люда и Ольга подошли и представились.

– Я Людмила, можно Люся, а это Ольга!

– Очень приятно познакомиться, – с улыбкой сказал Володя и протянул руку Людмиле! После чего, кивком головы приветствовал Ольгу.

Дима козырнул воинским приветствием и поочерёдно поздоровался с обеими подругами рукопожатием.

– А вы хорошо поёте! – сказала Людмила Володе!

– Так он и танцует хорошо! – встрял Дима, – кстати, как у вас тут с танцами?

– Ой, у нас есть где потанцевать, – сказала Ольга, – и в городском саду оркестр играет и в клубе имени Кирова танцы проходят, да только по вечерам, а у вас распорядок дня, и вряд ли вы сможете часто на танцы ходить.

– Ну, это мы ещё посмотрим, было бы желание, да Володя?

– Несомненно, Дмитрий!

В этот момент из-за дерева показался парень лет семнадцати. Одет был по последнему писку местной моды. Широкие брюки клёш, футболка «Динамовка» с треугольным вырезом, пиджак на два размера больше и конечно же кепка, широкая и поношенная.

– Э-эй! Дудочка! «А чего это вас на кирзовых потянуло? – он произнёс язвительно, не переставая грызть семечки, – солдат по городу идёт, ты стоишь разинув рот». Чего

горланите как быки на случке? – обратился он к сержантам.

Володе этот тип сразу не понравился, а поскольку, в казачьей крови Володи смелости и дерзости было не занимать, в выражениях сержант Макаров не стеснялся. Он обратился к Людмиле,

– Это что за дрищь?

– Вовка – «Хруст», шпана местная. – серьёзным голосом сказала Людмила, глядя сурово на Вовку.

– А «Дудочка» – это вы?

– Да! У меня фамилия – Дудина.

– Ну, здравствуй, Володька – Хруст!

Вовка поправил кепку и с выражением абсолютного превосходства встал между Володей и Людмилой,

– Но-но! Кому Володька, а кому Владимир Иванович Хрусталёв! Ты кого дрищём назвал? Ты, узколобый? Я ведь не посмотрю, что вас тут кодла сидит, один на один уделаю.

Володя не успокаивался, он почуял, как кровь приливает к кулакам, а на лицо наползает улыбка,

– Да легко, дрищь…

Дима, увидев, что обстановка накаляется попытался успокоить Володю,

– Володя, прекрати, чего ты с ним связался? А тебе чего надо? Шёл и иди себе мимо. А то и вправду огребёшь, мало не покажется.

Хруст хоть и был спокоен, но понимал, что ситуация не в его пользу складывается,

– Ути-пути, напугал, трясусь как осиновый лист на ветру.

Вдруг со стороны круглого магазина послышался гул приближающегося мотоцикла.

Мотоцикл с таким урчанием двигателя в городе был только у одного человека – это участковый, капитан милиции Виктор Степанович Заварзин.

В прошлом, боевой офицер, разведчик войну от Сталинграда до Вены. Был дважды ранен, контужен, но оставался человеком отменного здоровья, подтянутым, исполнительным, но в то же время, по своей природе, очень рассудительным и справедливым. Орденов и медалей он не носил, кроме одного, «Ордена Красной Звезды».

– Хрусталёв! – окрикнул участковый.

Хруст на мгновение замер, чуя спинным мозгом, как Заварзин смотрит на него. Он плавно повернулся, сняв кепку откинув её и слегка склонившись, улыбнулся,

– Наше почтение, гражданин начальник! Какими судьбами? Уж не по мою ли душу?

– По твою, по твою… Иди сюда, разговор есть.

– А что такое? Вы бы свистнули, я бы сам до вас пришёл, гражданин начальник.

Дима и Володя стояли сосредоточенные и готовые к конфликту с Хрусталёвым. Людмила и Ольга готовые вмешаться и разнять молодых людей, всё же с интересом наблюдали за развитием сюжета.

Заварзин это видел и посему обратил внимание на двух

молодых сержантов.

– А это, как понимаю новое пополнение в нашем городе? Здравия желаю, товарищи! Местный участковый капитан милиции Заварзин Виктор Степанович!

Володя, Дима и командир третьего отделения младший сержант Аброськин вытянулись по струнке перед участковым, застегнули верхние пуговицы гимнастёрок и по-армейски представились Заварзину.

– Старший сержант Макаров!

– Сержант Ковалёв!

– Младший сержант Аброськин!

Тот осмотрел молодых сержантов и расположившихся на поляне солдат, после перекинул взгляд на Люсю с Ольгой и на Хрусталёва.

– Уж не ссоритесь ли вы?

– Да ну шо вы, гражданин начальник? Какие ссоры между мирным населением и славной Красной Армией? Я вас умоляю!

– Молчи, Хрусталёв, не тебя спрашиваю! Ну, так, что тут у вас?

Ольга хотела было высказать своё возмущение Хрусталёвым, но Людмила её тут же одёрнула.

Володя улыбнулся и спокойно ответил, да вот спорим, кто сильнее ЦСКА или Спартак. Мы то конечно за ЦСКА болеем, а вот гражданин уверяет, что для любого ходока нету круче Спартака.

Заварзин улыбнулся, даже засмеялся.

– Не-ет ребятки!

– Что нет, всё так и было как пилотка говорит, гражданин начальник! – оправдался Хрусталёв.

– Нет ребятки, всё не то…

Сержанты и Хруст заинтересованно смотрели, а Заварзин умело держал паузу. Он вообще был мастером вести разговоры с любой категорией граждан. С бабушками он был один, с работягами с медеэлектролитного завода он был другой, с шоферами он был третий. Но главное, он всегда был мудрым и рассудительным, за что его очень уважали в городе и простые граждане и шпана, и даже спекулянты, которых он ни раз ловил за руку.

– Нет, я говорю! Тот, кто бьёт в ворота прямо, тот играет за Динамо!

И тут все рассмеялись.

– Ладненько, приятно было познакомиться, служивые. Раз будете здесь в Кыштыме, значит ещё не раз встретимся. Да, Дудина!? Как там дедушка?

– Всё хорошо, Виктор Степанович!

– Ну вот и славно. Пойдём Хрусталёв, отойдём разговор есть.

– Да я завсегда, гражданин начальник! Конечно, давайте отойдёмте! Только зачем это такому уважаемому человеку понадобился Хруст. Видеть, ничего не видел, знать, ничего не знаю. Последнее время кошки не обидел, вот, зуб даю,

начальник!

– Оставь себе свой, зуб он мне без надобности. Вопрос к тебе и не один. Первый вопрос, ты на танцах перец на полу рассыпал в прошлую субботу? Девки все исчесались и танцевать не могли.

– Шо я? Чуть чего сразу – Хруст. Может они с собой принесли. Я не причём, Виктор Степанович. – с плохо скрываемой насмешкой отпирался, потерявший всякую спесь, Вовка.

– Смотри, шельма! Узнаю, что ты, ухи пооткручиваю и перец этот собирать вручную заставлю голыми руками. И второе, ты на Володарского в частном доме у Куликовых окно разбил?

– Я? Да что вы? Я и отродясь не был на Володарского, вы же знаете, я же на Пушкина живу, и чего бы меня занесло на Володарского? Мне там не наливают, не ласкают.

– Так, Хруст, говоришь много, да всё не по делу. Я ведь всё равно докопаюсь, кто это сделал, а там, когда докопаюсь, говорить-то будем по-другому, я не позволю у меня в городе беспорядки устраивать!

– Да не я это, гражданин начальник! Ну честное пионерское, вот вам крест! – он быстро перекрестился.

– Ну допустим, а кто опять ухажёру приезжему, на танцплощадке в городском саду фотокарточку испортил? Тоже не ты?

– Да он сам первый начал, Виктор Степанович! Даже

обидно, как вы заступаетесь за этих щелкопёров заезжих! Они тут приехали, уехали, а я-то тута навсегда! Я же за наших барышень шибко переживаю, вот ещё две вырядились, к этим героям на променад вышли, а он послужит, поматросит и бросит, нечто вы сам не отец, не понимаете, я же только для порядку, чтоб девок наших не лапали.

– Смотри у меня, Хруст! Доскёшься. Поймаю, оторванными ушами не отделаешься!

– Да, товарищ капитан! Ну что вы меня за правду за фраера держите…

– Да не держу я тебя за твоего фраера. Топай давай! Сам помни и своим передай! Поймаю, церемониться не стану! Усёк?

– Усёк! Гражданин, самый важный начальник! Кланяйтесь Пелагее Марковне!

Пелагея Марковна, это была жена Заварзина. Об этом все знали, а посему с заявлениями чаще шли не в отделение и не в опорный пункт напрямую к Заварзину, а к Пелагее. Она была в своём роде информационным центром Кыштыма. Кто куда поехал, кто от куда приехал, кто заболел, кто захмелел, кто курицу под нож пустил, обо всём она знала.

Заварзин сел на мотоцикл и умчался по служебным делам.

Хруст, не переставая грызть семечки накинул на голову кепку, посмотрел в след участковому, оглянулся на солдат, оставшихся на газоне и на Людмилу с Ольгой. Они уже любезно беседовали с сержантами, изредка бросая взгляд на

Хрусталёва. Он демонстративно сплюнул шелуху в сторону сержантов, отвернулся, упрятал руки в карманы и вразвалочку пошагал вдоль по улице.

Дима развлекал разговорами Ольгу, а Володя и Люся, в это время уже не стесняясь пристально смотрели друг на друга. как будто, пытались что-то увидеть в глазах друг друга! В какой-то момент оба почувствовали, что симпатия, которая редко приходит так быстро, здесь нарушила все графики. Казалось, что они были давно знакомы. Словно души двух людей встретились после многовековой разлуки.

Такое бывает… Когда видишь человека впервые, но ощущение, что уже знаешь этого человека, словно из прошлой жизни, понимаешь каждый его взгляд, веришь каждому его слову и чувствуешь, что ты и он, это одно целое.

– Вы надолго к нам? – спросила Люся.

– Мне служить еще год. – робко ответил Володя, не отрывая от неё глаз.

– Тогда мы наверняка увидимся. У нас маленький город и все друг друга знают.

– Да! Но вряд ли у нас получится бывать в городе часто. Служба, сами понимаете.

– Конечно понимаю! У вас вся служба будет проходить через город. А ещё наверняка вас будут и нам в помощь на поля отправлять. Там всегда солдаты работают со школьниками и рабочими.

– Это было бы просто замечательно.

Вскоре появился Соловьёв с офицером в форме МГБ.

Володя, увидев взводного быстро скомандовал,

– Взвод! Становись!

Люся с Ольгой оторвались от бесед с молодыми сержантами и направились на рынок, который располагался через площадь.

– Ну, мы пойдём! Идём Ольга! Было приятно познакомиться! Надеюсь увидимся! – попрощалась Людмила и протянула руку.

– Обязательно увидимся! – ответил Володя, коснулся кончиков её пальцев и почувствовал какие они нежные и тёплые.

Взвод построился. Солдаты поправляли свои пилотки и воротники шинелей.

Володя скомандовал,

– Взвод, смирно!

Соловьёв подошёл ко взводу и встал, вытянувшись по струнке.

Следовавший за ним майор МГБ хитрым и колючим взглядом осмотрел каждого бойца в строю. При этом он продолжал молчать и разглядывая солдат, одного за другим. Казалось, что он всё и про всех знает.

В какой-то момент он выпрямился, и скомандовал,

– Внимание взвод, смирно! Слушай мою команду! Агентам иностранной разведки, шпионам и диверсантам выйти из строя!

В строю воцарилось замешательство. Бойцы, нарушив команду «смирно», переглянулись.

– Я что, дал команду вольно, бойцы? Я ещё раз говорю, агентам иностранной разведки, шпионам, диверсантам, выйти из строя, или вас в ваших разведшколах не учили понимать русскую речь? Я могу и по-немецки сказать, и по-английски. Что заволновались? А боец? – он подошёл к одному из молодых солдат, который больше всего разволновался и покраснел.

– Что? Готов сдаться органам государственной безопасности Советского Союза? В глаза смотри! Не бойся, мы тебя передадим твоим хозяевам. Расстреливать не станем… может быть…

Напуганный солдат чуть было на колени не упал, впрочем, как и рядом стоящие.

– Команда смирно была! Смирно! Фамилия! Имя! Отчество! Звание!

– Рядовой Черновол Алексей Романович! – выпалил солдат.

– Где, когда и при каких обстоятельствах был завербован западной разведкой?

– Я ещё не был завербован никем, товарищ майор! – приходя в себя ответил рядовой Черновол.

– На территории, оккупированной фрицами, был? В каком году? Где? Сколько служил в отрядах полицаев?

– Никак нет! Не был я, я в эвакуации был в Казахстане

с 1941 года. Маленький ещё был. – уже уверенно отвечал Черновол.

Офицер ещё раз осмотрел взвод.

– Значит так! Я майор госбезопасности Доренко Георгий Назарович, для вас, товарищ майор. Пока товарищ. Но, зная на сколько коварный враг нас окружает, без лишних иллюзий скажу. Среди вас есть шпион и предатель, и мы это знаем. И мы его возьмём, когда нам это будет нужно. Более того, если кто-то из вас захочет обещанной им сладкой жизни, мы узнаем об этом раньше, чем вы согласитесь на сотрудничество со вражеской разведкой. Напоминаю, что все вы призваны для службы на объектах особой важности. Всё, что вы здесь видите, слышите, нюхаете. Чем вы здесь пользуетесь от портянок, до цифр на дверях кабинетов всё есть государственная тайна. За разглашение которой по советским законам предусмотрена смертная казнь. Все, кто будет уличён в халатности, пьянстве, вредительстве, кто будет пойман в попытке рассказать про свою службу даже родным и близким, будут преданы суду за измену Родине и отправлены в лагеря на двадцать пять лет, без права переписки. Там и сгниёте, поверьте на слово, я это могу гарантировать. А посему, вбейте себе в мозг, что беспрекословное выполнение устава, приказов командиров, соблюдение воинской дисциплины и распорядка, соблюдение режима секретности, является для вас безусловным способом существования на время вашей службы.

Он говорил так не громко, так спокойно. Вряд ли его слышать мог кто-то еще, кроме взвода солдат, трёх сержантов и бледного лейтенанта Соловьёва.

Служите, будьте бдительны и обо всех подозрительных моментах и ситуациях, сразу докладывайте мне лично. При всех говорю, тебе лейтенант и вам сержанты, если боец вам говорит, что ему надо встретиться с майором Доренко, он через 10 минут должен быть у меня, и меня не волнует, в наряде солдат или в карауле. И вам бойцы скажу, приму любого, но, если вы захотите поиграть с майором Доренко в цирк или анекдоты мне потравить, травить будут вас и возможно собаками на Колыме. И ещё! Все письма домой, не домой, в ваши разведцентры, будут проверяться сотрудниками МГБ! Вообще постарайтесь домой не писать ничего, кроме, Мама! Я жив, здоров! Кормят хорошо! Отслужу и вернусь, молодой и красивый! Всё! Всем всё ясно?

Солдаты ответили вразнобой, не организованно,

– Так точно!

– Не слышу! – крикнул майор.

– Так точно! – чётко ответил взвод.

– Ну вот и хорошо! А теперь Соловьёв, направляешься со взводом в казармы. Через 10 минут приедет комендантский «Труман», грузитесь, езжайте и размещаетесь. Дорогу знаешь. По прибытии, баня, марафет, обед. В общем всё по расписанию, дежурный по части встретит. Всё напра-во и шагом марш!

– Слушаюсь! – ответил Соловьёв, и растерянно уточнил,

– Я дороги то не знаю, товарищ, майор.

Доренко улыбнулся,

– Водитель знает. Сейчас обратно к вокзалу едете на Южную.

– Есть! – козырнул Соловьёв, вышел на середину строя и скомандовал, – Взвод! Смирно!

Майор ещё раз взглянул на строй и отдавая честь торжественно объявил,

– Товарищи солдаты и сержанты, поздравляю вас с прибытием на место несения службы!

– Служим Советскому Союзу! – ответил взвод чётко и слаженно.

Вскоре подошла машина, Соловьёв приказал личному составу грузиться, сам сел в кабину и грузовик двинулся в сторону казарм.

В голове Володи были смешанные эмоции, Людмила с её карими глазами, запала ему в душу, а может это всего лишь юношеская страсть? Майор, который всех откровенно запугал. Почему-то запала в голову баня. Баня, это хорошо, после дороги помыться и получить чистое бельё всегда приятно. Вспомнил и про письмо, которое успел отправить с вокзала. Как это было вовремя. И опять, Людмила, девушка Люся. Интересно, а получится ли увидеться с ней хотя бы ещё один раз… Это пока было не известно.

ЛЮДА.

Люся родилась и выросла в Кыштыме. Мать, Полина Ивановна, работает бухгалтером на мясокомбинате, отец Константин Васильевич, директор того же комбината.

Люди порядочные и знающие себе цену.

Есть у Людмилы еще и старшая сестра, Валентина, которая сразу после войны успела выйти замуж. Жизнь её, после замужества, сложилась не однозначно

Молодые годы – шальные годы.

Юный офицер вскружил ей голову, служил он в системе ГУЛАГА и увёз молодую жену куда-то в Сибирь. Как показало время человеком оказался не простым, Валентина столкнулась и с побоями и оскорблениями и изменами мужа. Но о разводе, в то время, не помышляли, мирились с уготованной женской долей.

Родители же, хоть и были уважаемыми людьми в своём городе, оказались бессильны чем-либо помочь своей старшей дочери. От всей этой ситуации в их семье сложилось очень недоверчивое отношение к человеку в военной форме. Надо сказать, что сам отец Люси, Константин Васильевич, службы избежал. Но это не помешало ему сделать карьеру, он был активным партработником и состоял в бюро райкома партии ВКПб.

А Люда, или Люся, как её звали друзья и близкие, была юна искренна и чудесна. Она обладала прекрасными качествами, красота, скромность, обаяние, чувство юмора и так-

тичность. Люся всегда сияла счастьем и порой казалось наивной, но это только на первый взгляд. Она не была простушкой и могла постоять за себя. Да и дерзости в определённых ситуациях ей было не занимать.

В прекрасном настроении она вбежала в дом, когда мать с отцом получили очередное письмо от Валентины.

Отец, что-то убедительно втолковывал матери,

– А думать надо, кого в мужья берёшь! Она ни тебя, ни меня не послушала! «Я сама всё знаю, сама все ведаю.» Её слова? А как хвост прижало, мама-папа помоги?! И не позволю идти на поводу у неё. Выбрала этого пьяницу в погонах, вот пусть и разбирается сама!

– Костя! Но может мы заберем её к себе, хотя бы на лето. – Мать Полина Ивановна, хотела защитить дочь.

– Давай, пригрей её! А он приедет за ней через неделю, и она же его опять защищать будет, мы же с тобой будем деспоты и злодеи.

– Ну, Костя! Не усугубляй!

– Не усугубляй… Заладила, Костя – Костя…

Люся заглянула в комнату,

– Мама, папа, ну что вы опять ссоритесь?

– Не ссоримся мы, просто папа за Валентину переживает по-своему, а я по-своему.

–Да! Папа переживает! Вот и тебе наука, кстати. Как соберёшься влюбляться, вначале подумай, потом посоветуйся с родителями, а после выброси эту чушь из головы. По край-

ней мере, пока не закончишь институт и не получишь образование.

Люся заулыбалась и обняла отца, сидевшего за столом,

– Хорошо папочка! Обязательно так и сделаю.

– Ну ладно, ладно. – он похлопал по рукам его обнимавшим, – Что там у тебя? Как с практикой? Решила вопрос или всё же ко мне на комбинат? Я тебе уж так и быть практику проставлю.

– Нет, нет отец, я сама. Мы с девчонками хотим на швейную фабрику пойти.

– Ой… А чего это тебя в швеи потянуло? – прервала её мать.

– Шить уметь всегда полезно.

– Ты сразу иди улицы мести. Тоже, всегда полезно.

– Ну мама!?

– Да что мама!? Мама…

– Ладно, пусть идёт куда хочет. – вступился отец, – Этот год не поступит, пойдёт работать и пусть готовится к поступлению и на будущий год в университет, в крайнем случае в институт в Свердловск или в Челябинск.

– А может я в артистки хочу пойти! Выйду на сцену и как объявят, выступает народная артистка Советского Союза, Людмила Дудина! Ну, как? Звучит, папа?

– Звучит, звучит… Как в животе урчит…

– Это дедушкина поговорка!

– Не перебивай меня! Артистка! Скажи лучше, кто тебя

кормить-то будет, артистка? Хватит нам одной «артистки». Иди на экономический или торговый, и почёт и при деньгах будешь, а всю эту блажь из головы выбрось. Ну что это ногодрыгство одно.

– Ногодрыгство? Однако ты на концерт Утёсова с мамой аж в Челябинск ездил.

– Ну, ездил. Так это Утёсов, его весь Советский Союз знает и поёт, а ты, собираешься в нашем клубе под гармошку петь? Утёсов… Где Утёсов, и где ты…

– Ну, папа!

– Что, папа! Одна вон, уже доплясалась, сейчас локти кусает. Всё. Иди. Тоже мне, Шульженко! Полина, ну мы сегодня обедать будем или нет? Мне скоро уезжать. Подавай уже.

Люся вскипела от негодования. Отец с такой лёгкостью топтался по её мечтам, что казалось, будь то у неё нет своей жизни как таковой! Она закрылась в своей комнате и решила никуда не выходить в этот день.

Но просто сидеть уже через десять минут стало скучно. Молодая, горячая кровь искала, чем себя занять. Она много книг перечитала из тех, что стояли в её комнате в библиотеке отца… Перебирая полки и перечитывая названия на переплётах на глаза попалась одна… Переплёт старый и не подписан. Она достала книгу. Книга оказалась старой, ещё дореволюционной и текст был напечатан ещё через «ять». На обложке аккуратными буквами было написано карандашом «Уильямъ Шекспиръ» «Ромео и Джульетта».

Люся включила свою ночную лампу, накинула шаль, села с ногами на свою кровать и увлечённо стала читать историю, когда-то описанную великим автором. Утром на рынке, после встречи с Володей, она купила немного леденцов в бумажном пакете и теперь конфета за конфетой постепенно съедались под текст шекспировской трагедии.

Все мысли её из Кыштыма перенеслись на улицы Вероны. Её так захватила эта простая, но трагичная история двух влюблённых. Конечно, молодая девушка видела в роли Джульетты себя. А в роли Ромео, того молодого сержанта с красивыми чертами лица – Володю! Ей виделось как он стоит под её балконом, прячась от слуг и родственников Капулетти, чтоб увидеть её, юную Джульетту.

ДЖУЛЬЕТТА
– Как ты пришёл, скажи мне, и зачем?
Стена и высока и неприступна…
Ты вспомни только кто ты!..
Смерть тебе,
Коль здесь тебя мои родные встретят!
РОМЕО
– На лёгких крыльях страсти
Через эту стену перенёсся…
Удержать ли любовь преградам каменным?

(Шекспир. «Ромео и Джульетта» акт второй, сцена вто-

рая)

Она всё больше погружалась в трагедию Шекспира, пропуская через себя боль двух любящих сердец.

Из зала то и дело звала мать к столу, это отвлекало.

– Я не буду обедать! – крикнула Люда, продолжая читать.

И вот уже Ромео убил Тибальта, и в тот момент, когда леди Капулетти в разговоре с Джульеттой клянётся отомстить за Тибальта, дверь в комнату отварилась.

Вошел дедушка Людмилы.

ДЕД ВАСИЛИЙ

Василий Фёдорович Дудин, был человеком мудрым, честным и очень добрым. Его можно было сравнить со старым дубом, который, хоть и старый, но очень крепкий.

Человек он был скромный, но яркий. Родился ещё при Александре втором. В 1875 году. Всю жизнь работал на уральских заводах, в Кыштыме, да в Каслях. Много на заводах не заработаешь, только чтоб хлеба краюху, да жену не карзуху. А там и революции завеяли.

В 1905 сам видел, как над Сугомаком знамя революции поднялось. И даже провисело несколько месяцев, пока полиция, да охранка не спохватились. Аресты в городе начались, но, к слову, тогда Василий Фёдорович этого избежал. Да и не был он активным революционером, скорее сочувствующий. А вот когда грянула революция Октябрьская, 1917 года, вот

тогда уже в 42 года он взялся за винтовку. Служил под командованием самого Чапаева. И после победы революции, вернулся в родной город. Опять работать хотел, да не было работы особо. Голодали после революции. Что в огороде растёт то и в рот кладёт. И детей кормили чем придётся. Отцу Людмилы к началу революции уже 10 лет было, почти 11. А их в семье пятеро было, да четверо осталось. Один, младший-то помер от дизентерии. Василий после него младшим так и остался в отцовском доме.

А в 1921 году пожар случился большой в Кыштыме. Почитай половина города сгорела. Ладно, что дом Дудиных стоял на окраине. Пожар его не коснулся. А так, к бедам неурожая ещё и добавилась погорелая беда. Бездомников много было. Сам Калинин приезжал. Стали бараки строить для рабочих. К зиме почти всех под крыши спрятали.

Мал по малу Советская власть на ноги вставала. Заводы начинали работать. Город оживать стал. Константин выучился в Челябинске, к 1927 году получил образование, там и женился на Полине. Она из культурной семьи, правда родители из бывших… ну как это говорили, из эксплуататоров. А через четыре года, после того как диплом об образовании получил и в партию приняли его. Стал большим человеком.

Должность получил на мясокомбинате и Полину туда же устроил. Зарабатывать стал, дом отцовский перестроили. Двух очаровательных детей нарожали. Девочки, Валя и Люда.

Так и складывалась жизнь семьи Дудиных.

Дедушка тихо вошёл в комнату. Люда оторвала глаза от книжки и смотрела на деда встревоженно. Она очень любила его. Ей казалось, что он один её понимает и поддерживает.

– Ты чего тут в потёмках сидишь, очи портишь?

– Ничего я не порчу дедушка. Я вот читаю. Книга старая такая. Шекспир, Ромео и Джульетта. На верхней полке взяла.

– Да знаю. Истопить хотел, да бабка не дала. Всё говорила, выучусь, эту книгу прочту сама. Там, говорит, про настоящую любовь всё написано.

– Да, дедушка. Тут про самую настоящую любовь так всё написано. А бабушка её тоже читала?

– Да где там. А может и читала. Я не видал. Да и чего там читать то. Это же не Маркс и не Ленин и эту галиматью я читать тоже не буду.

– А вы с бабушкой любили друг друга?

– Ага! Любили. Быка дразнили! Чёй-то ты ерунду всякую спрашиваешь?

– Не ерунда это, дедушка. Без любви на свете ничего не бывает. Ничего! Вот если бы я влюбилась, я за любимого, даже умереть не побоялась бы.

– Дура ты! За любимого жить надобно… Жить, да детишек рожать. Чтоб ниточка не прерывалась, чтоб у твоих детей, тоже дети были и у детей, твоих детей… и так далее. А умереть-то дело не хитрое. Лежи себе потом в гробу и ничего не делай. Ты чего мне зубы заговариваешь любовями вся-

кими? Голодовку что ли объявила? А ну идём исти!

– Не хочу я, деда! Вот дочитаю, потом пойду.

– Да, ктож тебя ждать-то такую красивую будет. Шас на любовь-то начиташься, а там и с голоду любить-то не сможешь. Силов-то не будет. А ну, иди исти, пока мать со стола не убрала. Потом дочитаешь про свою любовь.

– Эх, деда-деда! Не моя это любовь. Эта в Италии, в городе Верона… А я в Кыштыме. Джульетта из Кыштыма. Смешно. Всё, иду за стол.

ИСТОРИЯ БЕРЁТ НАЧАЛО

Отца дома уже не было.

Люда присела за стол. Её тарелка с приготовленным обедом была накрыта фарфоровой крышкой и поэтому сохранила своё тепло. Мама была в своей комнате и, судя по всему, отдыхала. Люда была окрылённой от сегодняшнего дня. Есть совсем не хотелось. Она просто сидела за тарелкой и водила вилкой то вправо, то влево. Эта встреча с Володей ещё ничего не предвещала, но он её зацепил. И старая книга, великого Шекспира, очень заинтересовали, история любви, «Ромео и Джульетта». Люся и раньше слышала о ней, но советская молодёжь была далека от романтических иллюзий, в то не простое послевоенное время и была настроена на строительство коммунизма и разные героические достижения. Но всё равно, каждая девочка всегда мечтала о романтической любви, такой как в любовных романах.

Мама вышла из комнаты минут через десять.

– Людмила, дойди до почты, отправь письмо Валентине. Ты чего это сегодня такая загадочная? Уж не влюбилась ли?

– Да ты скажешь, тоже. Нет мама. Не влюбилась.

– А чего тогда глаза горят? И щёки розовые?

– Читала, Шекспира «Ромео и Джульетта», вот и глаза горят.

– Поменьше бы читала всякую ерунду. – мама взяла книгу, – Где это? Италия! Ерунда! Тебе к поступлению готовиться надо. – она небрежно бросила книгу на стол, – Кстати, к нам вечером Павел Михайлович Старостин заедет, секретарь нашего райкома, с супругой и сыном. А сын у него, Роман Павлович, очень перспективный молодой человек. Так ты, бы присмотрелась к нему. И не пришлось бы всякую любовную лирику читать, она вон сама к тебе в объятия рвётся. Он, кстати, учится в Москве и будет дипломатом. Вот тебе и твоя Италия. Ты меньше бы ушами хлопала, да понимала, что тут в Кыштыме тебе делать нечего. Подружилась бы с этим Романом, да, глядишь, там и в Москву бы уехала, а то и того лучше, женой посла стала бы, вон в своей Италии в Париже.

– Мама! Ну что ты такое говоришь?! Во-первых, Париж во Франции, а не в Италии.

– Ой, не всё ли равно, что те, что другие капиталисты проклятые, но жизнь там красивая. Всё лучше, чем тут, в глуши.

– А, во-вторых, ты же не знаешь, а вдруг он другую девуш-

ку любит? Вдруг мы не понравимся друг другу? Или вдруг я полюблю другого?

– Что ты заладила? А вдруг… а вдруг… Нечего сидеть сиднем. Любовь в Кыштыме сама по себе не придёт. Да и в Челябинске или Свердловске её особенно и не сыщешь… О будущем думать надо! Тут такой шанс! Да, прежде чем рассуждать, «а вдруг», приведи в порядок прическу, я дам деньги, сходи в парикмахерскую и чтоб в вечером, была дома! Поняла меня?

– Да, поняла! Поняла!

– Вот тебе письмо, вот деньги на парикмахера и хватит рассиживаться! Встала и пошла, пошла!

– Ну, мама!

– Что, ну мама? Бегом я сказала!

– Да иду-иду.

Люда накинула на плечи отцовский пиджак и выбежала на улицу, уже на ближайшем перекрёстке встретилась с подругами, Зиной и Ольгой. В эти весенние дни девушки приступали к двухнедельной практике в учебно-производственном комбинате, а поскольку комбинат не готов был сразу принять всех практикантов, у подруг образовалось два не запланированных выходных дня, а два выходных дня для девушек выпускного класса, это почти каникулы. Они с радостью согласились составить компанию Людмиле и проводить её до парикмахерской и до почты.

Улицы маленького города наполнялись весной. Деревья

чувствовали тёплые дни и воздух стал тёплый. Появились первые листья. А ещё пели птицы. Они, словно рассказывали то, что видели вокруг. А видели, как расцвели, не частые улыбки на лицах уличных торговок на рынке.

Возможно, это происходило от яркого, весеннего солнца.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА НОВОМ МЕСТЕ

Володя со взводом прибыли к месту своего расположения.

Казарма не отличалась от всех тех, в которых ему доводилось проживать за время своей не долгой службы. Высокие потолки, двуярусные кровати, тумбочки, табуреты, всё что полагается.

Бойцы выслушали инструктаж перед заселением, сразу был назначен наряд по взводу, дежурный и дневальные. Далее началась повседневная жизнь в стенах нового расположения.

Их взвод был не единственный в этой казарме. Так получилось, что в расположение в разное время прибывали и убывали разные подразделения МГБ. Комендант открывал и закрывал конкретные помещения, определённые под нужное количество солдат и офицеров. Более того, общение с солдатами других взводов не приветствовалось. Это обуславливалось той задачей, которую приходилось выполнять бойцам фельдъегерской службы. А находясь на этом участке, секретность была самой высокой степени. Взвода обеспечивали доставку материалов, оборудования и документации по ядер-

ной программе Советского Союза. Приближалось создание атомной бомбы советскими учёными, в ответ на уже испытанное атомное оружие Соединённых Штатов.

В двадцати километрах от Кыштыма, находился более закрытый город – Челябинск-35 … Тот город был обнесён колючей проволокой, по периметру охранялся специальной охраной с собаками. Пересечь границу незамеченным было не реально. И поверьте, при сопротивлении остаться в живых шансов не было. Одним словом, та задача, которая ложилась на плечи Володи и его взвода, была реально боевой.

Надо сказать, что и Кыштым был открыт не для всех. Кроме того, все опасались каждого нового человека, который появлялся в городе. Этот человек сразу попадал под особый контроль МГБ и милиции. Все работы по ядерной программе СССР курировал сам Лаврентий Павлович Берия… Наверное не стоит объяснять то, с какой серьёзностью работало его ведомство, над поручениями правительства.

После размещения в казарме взвод отобедал в столовой комендантской воинской части и на основании распоряжения военного коменданта города, были собраны военные билеты всех бойцов для регистрации и постановки на учёт.

Лейтенант Соловьёв проверил лично каждый военный билет, упаковал в спец пакет, опломбировал, после чего, вызвал сержанта Макарова, как заместителя командира взвода.

– Так, Макаров, сейчас возвращаешься в комендатуру, сдашь дежурному военные билеты взвода и пулей обратно.

Вопросы? Я тебе выписываю увольнительную на всякий случай до 16 часов, но это вовсе не значит, что ты должен вернуться в 15-55… Сделал дело и пулей в казарму. Вопросы?

– Никак нет, товарищ лейтенант.

– Вот тебе спецпакет. Кругом, в комендатуру бегом марш. И помни, ни шага ни вправо, ни влево. Обязательно отдание воинской чести.

– Слушаюсь! – козырнул Володя, взял пакет, увольнительную и вышел из кабинета к выходу из казармы.

– Ты далеко? – остановил его на выходе Дмитрий.

– В комендатуру. Пакет доставлю и обратно.

– Володька, не торопись. Ты поспрашай там, где тут у них что находится? Ну, там клуб, пляж, всё такое…

– Димон!

– Чего?

– О Родине думай! Шучу… Но для тебя узнаю, где у них библиотека.

– Да зачем мне библиотека?

– Как зачем?! «Ты себе девушку умную найдёшь», – сказал Володя и вышел из казармы.

– Очень смешно! Сам себе в библиотеке ищи! – рядом оказался рядовой Халилов, и отвлёк Дмитрия каким-то вопросом, но тот и слушать не стал, скомандовал почти недослушав солдата, – Отставить глупые вопросы, кругом и шагом марш!

– Слушаюсь козырнул солдат и строевым шагом напра-

вился в расположение.

ВЫХОД В ГОРОД

Володя вышел за КПП части и на него обрушилась весна.

Те, кто служил, тем более служил в Советской Армии, поймут, на сколько не одно и тоже выходить за пределы части в строю и выходить одному, в увольнение.

Он шёл по знакомой дороге, по которой несколько часов назад они пришли взводом, но сейчас всё было иначе. Проезжающая мимо машина не сигналила, как это было под песни взвода, не собирались толпы зевак и казалось, никто и не обращает внимания на одиноко шагающего сержанта.

А, нет… обращает. Метров через пятьсот, на одном из перекрёстков, Володя вышел прямо на патруль. Его тут же остановили. Это был тот же патруль, который он видел на вокзале, утром, когда они приехали в Кыштым. Володя предъявил увольнительную, а военного билета у него не оказалось, в виду того, что он был опечатан в спец пакете. Увольнительную изъяли, а Володю уже под конвоем патруля повели в комендатуру.

Переступив дежурную часть, капитан, старший патруля, в свободной форме доложил дежурному,

– Вот задержали. Говорит шёл в комендатуру с пакетом. А у самого увольнительная. Военного билета нет. Говорит, опечатан в пакете, по требованию командира взвода доставляет пакет тебе.

– Да! Есть такое! Даренко на учёт ставит каждого. (к Володе) Ты новенький, сегодня прибыли?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Особый фельдъегерский взвод. Командир взвода лейтенант Соловьёв приказал пакет вам доставить.

– Ясно. А чего он сам не доставил, а тебя отправил?

– Так взвод только приступил к обустройству расположения. Получают матрасы, постельное, канцелярию.

– Ну понятно, понятно. Доставил, иди. Кругом, шагом марш!

– Слушаюсь, товарищ старший лейтенант! Но как же без документа пойду, меня опять задержат.

– А тебя и так и так задержат. Военный билет-то твой тут остаётся. Сысоев, отдай ему увольнительную, пусть идёт. Иди не боись, капитан Сысоев тебя не тронет сейчас. Не тронешь бойца, Сысоич?

– Пусть идёт! – сказал капитан и протянул увольнительную, – только не шатайся по городу. В часть иди.

– Слушаюсь! Я могу перекурить у Вас в курилке перед уходом.

– Иди кури, и вы двое, пока в курилку идите. Нечего тут задницы насиживать. – приказном тоне пробормотал капитан.

Володя с двумя солдатами вышел в курилку. Они были его призыва, служили в ПВО, и сегодня два счастливчика были прикомандированы к комендатуре.

– Давно вы тут? – спросил Володя.

– Полгода! Сами-то откуда?

– С учебки.

– Понятно!

– А как тут жизнь, парни? Есть что интересного?

– А что тебя интересует?

– Ну, библиотека, например.

– Библиотека!? – рассмеялись парни, – не финти, клуб, наверное, танцы и кино?

– Ну, да, да. Кино, домино, танцы…

– Есть тут, вон Клуб Кирова прямо по улице Республики, а там налево, вдоль канала, Есть городской сад, ну там что, только прогуляться быстрым шагом, если местные не наедут.

– А что и такое бывает?

– Да сколько угодно. Мы на прошлой неделе так схлестнулись, они двоих наших вырубили, ну и мы им морды подрехтовали.

– Жёстко. А причина есть какая-то? Или просто?

– Да какая там причина, делать им не чего, вот и нарываются.

– Ну это нормально. Разберёмся. Ладно, мужики, хорошей службы, даст бог свидимся. – уже уходя, он притормозил и спросил, – извините пожалуйста. А где тут можно купить конфет, и почта где?

– Магазин рядом. Выйдешь спустишься до круглого магазина, там и купишь всё и почта рядом. А что касается почты,

то это зря. Нам запрещено письма отправлять через гражданскую почту, письма не примут, а переговоры не дадут без разрешения особиста. Режимный город.

– Понятно. Сурово.

Володя привёл в порядок внешний вид и вышел за ворота комендатуры, на весеннюю улицу Кыштыма.

Да, надо было возвращаться в расположение, но весна, первый тёплый ветер делают своё дело. Ноги не слушаются. Надо идти на право, а ноги несут налево.

Хотелось пройтись по новому городу, взглянуть на него, краешком глаза.

Володя оглянулся на патрульных и решил рискнуть пока патруль отдыхает, он понимал, что 15–20 минут у него есть, решил пройтись по центру города, заглянуть в магазин и всё же, может заглянуть на почту и только после направиться в расположение.

СЛУЧАЙНАЯ КОРОТКАЯ ВСТРЕЧА

Девушки, Люда, Ольга и Зина, прогулялись до центра Кыштыма. Зашли на почту, отправили письмо сестре Людмилы и направились делать причёску Людмиле.

Они всегда любили бывать в парикмахерской.

Девушки со звонким смехом ввалились в двери, о чём всех известил колокольчик над дверью.

Вошедших сразу встретил запах одеколонов и разного рода ароматов, которые присущи этим заведениям.

Парикмахерская представляла собой два зала, над одним висела табличка «Мужской зал», над вторым – «Женский зал». В женском зале стояло три посадочных места, с удобными креслами и маленькими столиками.

Мастеров-парикмахеров знал весь город. Старшей там была тётя Людмилы, сестра её матери, Галина Ивановна.

Женщиной она была очень красивой хоть и было ей за 50 лет. Она всегда ходила с высокой причёской из светлых волос.

– Ой! Какие люди! Ну заходи, племянница! Девки, присаживайтесь, вот сюда! А тебя, дорогая, прошу в кресло!

– Благодарю, тётя Галя!

Галина Ивановна расположила подруг Людмилы в коридорчике, предложив им полистать журналы, а это всегда было очень интересно, учитывая, что таких ярких журналов не было в продаже ни на почте, ни в «Союзпечати», тётя привезла их сама, прямо из Москвы. Яркие картинки с красивыми девушками и молодыми людьми не трудно было догадаться, что это были наши советские юноши и девушки. Девочки с интересом и азартом увлеклись журналами.

Люда прошла в зал. В одном кресле сидела грузная. Но ухоженная и приятная женщина.

Это была, Пелагея Марковна, супруга участкового милиционера Заварзина.

– Чего это ты так долго не заглядывала к нам? Неужто, повода не было, красоту навести? – спросила тётя Галя, – Хотя,

понимаю, вы сейчас в том возрасте, когда наводить красоту, только время тратить, и так красивые.

– Да, и зачем ей это. Да? Людмила? – улыбаясь, присоединилась к разговору Пелагея Марковна.

– Ну да мы не лыком шиты, сделаем из тебя Марину Ладынину, или нет, Любовь Орлову. Какой повод-то, праздник какой-то? День рожденья или на танцы собрались?

– Как понимаю, Полина гостей ждёт?

– Да Пелагея Марковна, гости приедут из Челябинска, вот мама и решила во всём марафет навести.

– И кто же, это к вам наведается?

– Секретарь райкома.

– Старостин, что ли?

– Да! С сыном.

– Ну что ж, и то верно, гостей надо во всей красе встречать. – с интригой в голосе сказала тётя Галя, делая какие-то манипуляции с волосами Людмилы, приводя их к задуманному замыслу.

– Ой, Людка! Знать смотрины будут, а? – Заулыбалась Пелагея Марковна. – Матери передай, я тоже зайду. Мне со Старостиным о своём поговорить надо.

Она закончила разглядывать свою новую причёску, сняла с груди салфетку и фартук, встала с кресла. – Галина, ты волшебница! Красота получилась, неописуемая! Деньги на столике. Всё. Пошла я. До вечера Людмила. Зайду к вам.

– До скорого, Пелагея Марковна! Через неделю загляды-

вайте, обновим. – попрощалась Галина.

– До вечера Пелагея Марковна.

Прошло не меньше часа, прежде чем Людмила появилась в проёме зала перед подругами с красивой причёской на голове. Прошла она через все полагающиеся процедуры, стрижки, укладки, фен и снова укладки.

Уже полу спящие подруги, навалившись друг на друга, проснулись и увидев Людмилу пришли в восторг от её причёски. Вроде и не было в ней ничего необычного, но аккуратно уложенные волосы, нежные локоны и верно подобранный стиль сделали своё дело. Людмила была прекрасна.

Галина Ивановна появилась из-за плеча Людмилы с видом победительницы,

– Ну, девки, вручаю вам красоту неписанную! Доставить до дому в целости и сохранности. (Людмиле) Как вам, Людмила Константиновна? Нравится?

– Ух, ты, Людка! – опешила от изумления Зина.

– Шикарно – покачивая голой вправо и влево вымолвила Ольга.

– Девчонки! Как Вам? Нравится?

– О-очень, тётя Галя! Просто Любовь Орлова! – восхищённо выдохнула Ольга.

– Ага! – всё что могла выдавить из себя Зина.

– Спасибо большое, Галина Ивановна! – с неподдельной скромностью благодарила Людмила. – Сколько я вам должна?

– Носи на здоровье! Не надо ничего, свои люди. Сама заходи, да мать присылай, мы с ней хоть покалякаем о своём.

– Хорошо! Я думаю, она, глядя на всё это, – она показала на причёску, – сама к вам придёт. До свидания, Галина Ивановна!

– Всего хорошего Людочка! До свидания девки! Тоже заходите, красоту наводить.

Подруги вышли на улицу, вдыхая свежий воздух весны.

Возле круглого магазина подруги остановились купить мороженного, после чего, долго беззаботно что-то разглядывали на рыночных прилавках рядом с магазином, то и дело Людмила видела своё отражение в окнах, и оно ей очень нравилось.

И вот, заглянув через стекло в окно магазина, она увидела глаза, глаза того утреннего юноши, Володи.

Вернее, ей показалось, что это они. На улице сияло весеннее солнце и то, что было внутри в магазине, было плохо видно через окна, да и логика говорила, откуда ему тут взяться?

Хотя…

Она ещё раз вгляделась в окно магазина, но уже знакомых глаз не увидела. В мыслях промелькнуло.

– Показалось!

– Здравствуйте ещё раз, Людмила! – прозвучало совсем рядом.

Людмила напугалась и немного опешила. Перед ней стоял Володя.

Он стоял в очереди в том магазине и тоже, через окно увидел Людмилу и не сразу её узнал.

Её причёска была не такой как при встрече и это сбило его с толку. В миг он выбежал из магазина.

Люда же вглядевшись в его лицо искала нужные слова.

– Вы? Как вы здесь?

– Не поверите, совершенно случайно! Я сегодня кроме как о вас больше и думать ни о чём и ни о ком не могу и вот сказали мне, не томись Владимир! Тебе надо Родину защищать со спокойным сердцем, найди её, самую красивую девушку, Людмилу, скажи ей, что она тебе нравится и служи со спокойной душой.

– Шутите! – смущаясь Володи переспросила Люда, – считайте, что сказали, теперь служите спокойно.

– Не сердитесь. Шучу только в одном, никто мне ничего не говорил. Но я правда весь день думаю о вас. И тут такая встреча. У вас новая причёска! Вам очень идёт! Я более красивой девушки не встречал.

– Людка! Ты где? Догоняй! – крикнула Зина.

Ольга, оглянувшись увидела знакомого сержанта и подбежала к Людмиле

– Володя! Вы, здравствуйте ещё раз. Какими судьбами. А Дима с вами?

– Нет, Дима в расположении. А меня, вот, в комендатуру послали, я решил в магазин заглянуть, а тут такая встреча.

– Вы извините, нам пора. – с долей раздражения в голосе

сказала Людмила.

– Ты чего, Люда? – удивлённо спросила Ольга.

– Ничего. Мы пойдём.

– Вы сердитесь на меня? Я Вас обидел? – спросил Володя, покраснев от волнения.

– Нет. Нам правда надо идти. Была рада вас увидеть, Володя. Надеюсь, мы ещё увидимся… А как ваша фамилия? Макаров?

– Макаров. Вы запомнили?

– До свидания, Володя Макаров!

– До свидания, Люда…

– Дудина.

– Да. Точно! Очень приятно! До свидания Люда, Людмила, Люся Дудина! И вам до свидания, Ольга! Извините, если что не так.

– Нет-нет. Всё так. Просто нам надо домой бежать.

Людмилой овладело какое-то волнение. Она улыбалась и смущалась, ей хотелось продолжить разговор и в то же время, она смущалась сейчас этой причёски, подруг и смущалась прочитанной поэмы «Ромео и Джульетта», где она успела представить Володю в роли Ромео.

Она волновалась. Это было весеннее волнение, когда тебе 18 лет и ты веришь в волшебство любви. И больше всего, хочется, чтоб придуманной картинке в твоей голове ничто не мешало.

– А вы в сторону вокзала идёте? – воодушевлённо спросил

Володя.

– Да! – радостно ответила Ольга.

– Но нам ещё надо зайти в… – Людмила растерянно думала куда им надо ещё зайти.

Володя ждал приглашения пройти вместе, как вердикта.

Глаза Люды и Володи снова встретились и растерянность на её лице сменилась искренностью.

– Да ладно тебе Людка! Чего ты выдумываешь, никуда нам заходить не надо! Я Зина! Здравствуйте! – включилась в разговор Зина и протянула Володе руку. – Вы в сторону вокзала? Тогда нам по пути.

– Здравствуйте, я Владимир. Да, мне как раз в ту сторону.

Девушки и Володя направились вдоль длинной улицы.

Всю дорогу Ольга и Зина задавали Володе простые и наивные вопросы. Людмила молчала, но вслушивалась в каждый его ответ.

Володя же отвечал на каждый вопрос спокойно, улыбаясь и немного смущаясь.

То и дело его взгляд падал на Люду. Он хотел видеть её реакцию. Он чувствовал, что она слушала его и отвечал для неё.

В душе было очень приятно и тепло. Людмила была прекрасна. Он хотел смотреть на неё ещё и ещё.

За разговором дорога коротка. Не заметно для себя дружная компания дошла до улицы Пушкина. Именно там жила Людмила и её подруги.

На перекрёстке девушки остановились. Зина и Ольга переглянулись, улыбнулись,

– Ну ладно, Люся, мы пойдём. Завтра увидимся или вечером забегай.

– Да! Пока, девочки.

Ольга и Зина в обнимку пошли в сторону своих домов, тихо напевая,

– Широка страна моя родная
Много в ней лесов полей и рек.
Я другой такой страны не знаю
Где так вольно дышит человек.
Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать…

– Вас потеряют и накажут. – с заботой сказала Людмила.

– У меня ещё 20 минут. Я успею. – успокоил её Володя. – Вы очень красивая, Люся. Я не встречал такой девушки, как вы.

– Перестаньте, Володя. Вы меня смущаете. И не в красоте дело. Сегодня я красивая, а через сорок лет буду старая и сморщенная. Красота уходящая.

– Нет. Вы будете красивой всегда. Я в этом уверен.

– Прошу вас не надо. Идите Володя. Я надеюсь, мы ещё увидимся.

– Я тоже на это надеюсь. Обещайте, что вы станцуете со мной вальс.

– Вы умеете танцевать вальс?

– Умею. Я в школе танцевал на выпускном. Нас всем классом учили.

– Обещаю. А теперь идите, умоляю вас.

– Да – да! Убегаю. До свидания Люся!

– До свидания, Володя!

– А можно, я вам письмо напишу?

– Конечно пишите!

– Куда?

– На деревню, дедушке! – сказала Людмила и засмеялась.

Она уходила в сторону дома, оглянувшись пару раз на Володю. Он в свою очередь смотрел ей в след, не желая отвести глаз с её удаляющегося силуэта. Более того, ему хотелось догнать, взять её за руку и никуда не отпускать. Такое в жизни, наверное, бывает только раз или не бывает вообще, когда встречаешь человека и понимаешь, что не готов с ним расстаться, словно ты его уже однажды потерял, может когда-то давно. В прошлой жизни… Казалось, что уходила какая-то часть тебя самого.

Его романтический взгляд и настроение прервал знакомый голос за спиной,

– Ну, шо! Пилотка! Влюбился что ли? Я тебе сказал, «и думать не моги». – за спиной стоял Вовка «Хруст».

– Да пошел ты! – отмахнулся Володя

– Нарываешься? Давай схлестнёмся, если ты такой борзый.

Ситуация накалялась, Хруст настроен был решительно, и

Володя был горячих казацких кровей. Взгляды обоих сцепились в предвкушении драки.

– Товарищ сержант, – раздался второй знакомы голос и это был голос начальника патруля, – Подойдите!

– Иди! Слышь тебя начальник зовёт! – пробурчал «Хруст» и сплюнул, поправляя кепку направляясь прочь.

Володя заправился и строевым шагом подошёл к патрулю, отдав честь отрапортовал,

– Сержант фельдъегерской службы Макаров, по вашему приказанию прибыл.

– Прибыл… Тебе что было сказано, сержант Макаров. В расположение направляться. А ты решил прогулку себе устроить. На гауптвахту захотел? Под арест? На 15 суток?

– Никак нет, товарищ капитан! Виноват. Вот купил зубной порошок, тетради для писем и записей, ну и конфет немного. Следую в расположение части.

– Конфет немного… Пять минут времени, чтоб духу твоего не было! Второго предупреждения не будет. Понятно?

– Так точно! Разрешите идти?

– Бегом!

– Есть, бегом! – Володя бегом направился в сторону своего расположения, бросив пару взглядов на улицу Пушкина, в надежде увидеть силуэт Людмилы, но она уже скрылась за зеленью весенних кустов.

Люся шла в сторону дома и не понимала, что с ней что-то происходит. Что-то предначертанное судьбой, против чего

она не может ничего сделать. Она шла не в ту сторону, куда её хотелось. Почему? Она совсем не знает этого юношу, она видит его второй раз, а чувство такое, что с ним связана вся её жизнь. Она не заметила, как оказалась у калитки дома.

Вошла в калитку, не обращая ни на кого внимания. Но её окрикнул дед, Василий Фёдорович, он брал дрова с поленицы для бани.

– Эка королевна в наших хоромах.

– Дедушка!

– Иди в дом, внучка, мамка-то заждалась. А я вот баньку решил затопить, гостей ждём.

Люда вошла в гостиную. Дома пахло салатами и мясными блюдами. Поскольку, папа работал на мясокомбинате, с мясом дома был полный порядок и запахи этих продуктов у Люды вызывали не самые радостные чувства.

Мама вышла из кухни со стопкой тарелок.

– Пришла! Хорошо! Давай, мой руки и помогай на стол накрывать. Скоро отец с гостями приедет, поторопись. И вот ещё, на стол накроешь, садись за пианино, порепетируй что-нибудь, сыграешь для гостей.

– Мама! Зачем всё это? Я не хочу ни перед кем играть. Они же к вам приедут, не ко мне.

– Так! Чего за выделывалась? Быстро на кухню, потом поговорим.

– Хорошо! Ещё Пелагея Марковна хотела наведаться!

– Заварзина?

– Да! В парикмахерской встретились.

– Вот носит её нелёгкая! Как сорока сплетни на хвост собирает. Ладно. Иди готовься.

Люда скинула с плеч отцовский пиджак и пошла на кухню, помогать матери.

ВЕЧЕР В КАЗАРМЕ

Володя вбежал в казарму. Взвод в это время уже стоял построенным на центральном проходе.

Перед строем стоял Соловьев и тот майор госбезопасности Доренко. На запыхавшегося Володю сразу все обратили внимание.

– Что боец, не успел прибыть на место службы и сразу в самоход отправился? – язвительно и спокойно произнёс майор перед строем.

– Никак нет, товарищ майор!

– Молчать! Сержант. То, что ты западный диверсант и шпион нам давно известно, Макаров. Мы просто ждём, когда ты облажаешься. И тогда мы тебя к стенке-то припрём.

– Никак нет, товарищ майор, шпионом не являюсь, Родину люблю. У меня отец был пограничником.

– Это ничего не доказывает. Отец был пограничником. А ты сразу пользуешься случаем, чтоб выслужиться перед своими западными хозяевами и бежишь им сообщить, что прибыл к месту службы.

– Никак нет, товарищ майор!

– Почему я оказался раньше тебя в расположении с отмеченными военными билетами? Где ты был сержант?

– Я был в комендатуре, а после добежал до магазина, купил зубной порошок, тетради и вот, немного конфет взял.

– Конфет… Конфеток захотелось? Сладкой жизни захотел? Соловьёв!

– Я! – козырнул взводный.

– Давай его в наряд, для начала.

– Слушаюсь, товарищ майор.

– Ну вот и славно. Если кто-то ещё не понял, где он служит, объясняю, вы на самом передовом краю обороны! Да, да! Сами того не понимаете, но вам доверено охранять надёжный щит нашей страны. И от вашей сознательности, дисциплины, от вашего мастерства зависит безопасность нашей страны. – майор подошел к Володе и с ехидством добавил, – ну что, ешь конфеты сержант. – офицер вышел из расположения уверенным не быстрым шагом.

Володя стоял перед строем и готов был провалиться сквозь землю. Оскорбления майора сильно его задели. Для него было свято всё, что позволяло гордиться отцом, Родиной.

Он был всегда честен с друзьями и не умел иначе. А тут его унизили перед его подчинёнными, чего делать никак нельзя.

Володя перевёл дыхание, надо было как-то исправлять ситуацию.

Соловьёв распустил строй и вызвал Макарова в канцелярию, отдельный офицерский кабинет, в котором располагалась кровать офицера, отгороженная занавеской, стол, сейф и шкаф, заставленный уставами, инструкциями, и книгами, трудами Ленина, Сталина, Калинина.

– Макаров! Ну как так? Я же тебе чётко сказал. До комендатуры добежал, отдал документы и обратно. Чего за самодеятельность-то?

– Виноват, товарищ лейтенант. Я только за самым необходимым зашёл в магазин и сразу обратно.

– Обратно. Вот он тебя на карандаш поставит, будешь знать.

– Справимся, товарищ лейтенант.

– Понятно, что справимся. Давай, приводи себя в порядок и в наряд заступай.

– Слушаюсь!

– Иди! Стой! Какие там конфеты у тебя?

– Карамель.

– Дай пару.

– Пожалуйста, берите конечно. – Володя протянул конфеты Соловьёву, тот взял несколько штук.

Володя вышел в расположение и дал команду,

– Первое отделение строится!

Солдаты выстроились перед Володей.

– Внимание отделение! Смирно! Ввиду успешной передислокации нашего взвода, как командир отделения, за сла-

женную работу и хорошую службу, объявляю личному составу отделения благодарность! И награждаю отделение конфетами к ужину.

– Ура, ура, ура! – дружно ответил строй солдат.

– Напоминаю, наличие конфет в карманах, тумбочках, под подушкой или под одеялом является нарушением устава и порядка в расположении, наказывается по уставу и не только. А посему помните, что благодарность, это не только удовольствие, но и ответственность. Всем ясно?

– Так точно! – дружно ответили солдаты.

Солдаты второго и третьего отделения с завистью смотрели на первое отделение и Владимира, который раздавал конфеты своим бойцам, ибо, молодые мальчишки, в армии на первом году службы, как дети малые, все очень любят конфеты. Володя же с честью вышел из этой ситуации и поднял свой авторитет перед всем взводом.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР У ДУДИНЫХ

Вечером в доме Юдиных было шумно и всё предвкушало бурное застолье и празднование дня Победы.

Ещё с полудня мама Людмилы готовила салаты, крошила колбасы, варёное мясо, овощи и нарезала фрукты. Запах стоял в доме такой, что можно было слюнками захлебнуться.

Чтоб настроение соответствовало приёму гостей, на комоде играл патефон. Звучание танго, сменялось песнями Утёсова и зажигательной Рио Ритой.

Дед Василий успевал помогать Полине Ивановне, подавая очищенные овощи, воду, убирая очистки, подбрасывая дрова в печь и переставляя пластинки на патефоне. Уж очень ему нравилось именно менять пластинки и заводить пружину патефона.

Уже ближе к вечеру на пороге дома появилась Пелагея Марковна Заварзина. Её к дому подвёз на мотоцикле муж, тот самый участковый.

Хозяйка дома, увидев подъехавших гостей в окно, вышла к калитке.

– Здравствуй, Полина Ивановна! – с широкой улыбкой подошла к калитке Пелагея. На её голове была аккуратная модная причёска из густых каштановых волос. Шею окружали красивые жемчужные бусы, а через платье, сшитое по модным выкройкам из немецких или итальянских тканей, проглядывалась идеальная женская фигура.

– Витя ты вечером за мной заезжай, через пару часиков, можно и позже. – через плечо, голосом царицы она дала распоряжение мужу.

– Добрый день, Пелагея Марковна! – натянутой улыбкой озарилось лицо Полины.

– Дорогая Полиночка, у тебя сегодня событие? Говорят сам Старостин приедет?

– Есть такое дело, ждём с женой и сыном, так и ты заходи. Места много. Стол большой, да и мне веселее будет.

– Это правильно, я для того и приехала, и тебе помогу

заодно. Вечером хочу с гостями твоими покалякать. А где Людмила-то? Чего матери не помогает?

– Пусть кудри накручивает, без неё управлюсь.

– Ох, балуешь ты её Полина.

– Старшую недобаловала, хоть младшую понежить, а то и эта замуж выскочит, оглянуться не успеешь.

– Уж, не за сынка ли Старостина ты деваху свою сосватать хочешь?

– А хоть бы и так! Почему бы и нет?

Обе прекрасные женщины, будучи подругами быстро вошли в ритм друг друга и уже совместно продолжили подготовку к застолью.

Для Люды же эта вечеринка была в тягость. Отец и его старый друг Старостин приехали вечером на служебном автомобиле. С ними приехали его жена и сын Роман.

Людмила вспомнила его, она видела его несколько раз, но тогда они были ещё детьми.

Роман был высокого роста, с тёмно-русыми, длинными для той поры волосами. Аккуратно выбрит и одет. От него пахло дорогим одеколоном и надо отметить проглядывалась статность, интеллигентность и «порода».

Отцы уже хорошо выпили и вели умные разговоры, а женщины слегка захмелев, рассказывали весёлые истории и пели застольные песни. Полина, то и дело, обращала внимание Старостина старшего и его жены на Людмилу. Уж очень ей хотелось, чтоб родители Романа увидели в их дочери подхо-

дящую невестку. Старостин старший отметил, что Людмила очень хороша, что помнит её ещё ребёнком, а сейчас видит перед собой абсолютную красавицу. Вмешиваться же в решения сына он не собирался, а вот посодействовать с поступлением Людмилы в Челябинские ВУЗы обещал. Женщины же продолжали общаться между собой, но как это часто бывает, умная женщина никогда не покажет своих симпатий или антипатий, если не захочет. А жена Старостина была очень умной женщиной. Да и мужа секретарём сделала именно она. Как говорится, мужчина голова, а женщина – это его шея, и это сказано именно про них.

Пелагея Марковна вела себя более чем достойно, не много говорила, больше слушала и была абсолютно тактична и интеллигентна.

Застолье было настолько тёплым, что спустя час над Кыштымом неслись красивые женские голоса исполняя застольные любимые песни,

Спят курганы тёмные, солнцем опалённые,
И туманы белые ходят чередой.
Через рощи шумные и поля зелёные
Вышел в степь донецкую парень молодой.
Через рощи шумные и поля зелёные
Вышел в степь донецкую парень молодой.

Когда зазвучала эта песня, хмурое лицо Людмилы озарилось улыбкой. Она подхватила слова песни и её голос влился в душевный хор. Не пел только дедушка Василий.

Он играл на гармони. Было видно, что ему очень нравится песня и от умиления было видно, как по морщинкам возле глаз стекает слеза.

Люда это заметила и продолжая петь присела рядом с дедом, обняв его, положила ему на плечо голову. Дед Василий заулыбался, выпрямил спину и немного засмущался.

Одна песня сменяла другую, звучали тосты «за нашу Победу», «за Сталина», «за героев войны», «за тружеников тыла».

Кипучая! Могучая! Никем непобедимая!

Страна моя, земля моя, ты самая любимая!

Роман, сын секретаря Старостина, как и Людмила не пылал радостью встречи, но держался очень достойно, не спуская деликатную улыбку с лица.

Людмила была ему интересна, но это был интерес обыденный, можно сказать дежурный, спокойный.

Это не то, когда душа рвётся наружу и тянет словно магнитом.

Людмила отвечала ему тем же. Она принимала ухаживания Романа, поскольку они сидели за столом рядом, но страсти не возникало. Не искрило. В какой-то момент вспомнилась книга о той любви юных Ромео и Джульетты. И надо признать, внешне Роман был больше похож на образ Ромео и имя Роман добавляло к этому свой шарм, но в душе ничего не возникала. Людмила понимала, что за Романа она не стала бы пить яд. Но она быстро вернулась из своих иллюзор-

ных мыслей в комнату к застолью. Роман встал и обратился к Людмиле,

– Я предлагаю выйти подышать свежим воздухом, как понимаю у наших родителей ещё много песен и тем для разговоров.

Людмила покорно встала и вышла из-за стола. Роман проследовал за ней к выходу.

Его мать успела заметить и уже вдогонку спросила,

– Роман, ты далеко собрался?

Полина Ивановна тут же её обняла и увлекла, протягивая ей очередной фужер вина,

– Оставь их, пусть подышат.

Она тоже видела и более того просто ловила каждый взгляд Романа на Людмиле и радовалась их общению, желая видеть Романа своим зятем и породниться со Старостиными.

Людмила вышла из шумного дома, дедушка играл на гармони, а гости и родители пели так, что их слышала вся улица.

Возле калитки то и дело проходили зеваки-соседи, заглядывая в окна дома Дудиных.

Со стороны соседского дома раздался оклик Ольги,

– Людка! Люда! – Ольга подбежала к калитке, но заходить не стала, – Чего отмечаете? День рождения что ли у кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.